

БЫЛИ И НЕБЫЛИ ТОМСКОГО КРЕМЛЯ

Статья посвящена Томскому кремлю середины XVII–XVIII вв. – последнему, наиболее мощному кремлю-долгожителю в истории средневекового Томска, игравшему роль административно-политического, общественно-идеологического, военно-оборонительного, градообразующего центра. При строительстве кремля в 1648 г. были воплощены лучшие традиции отечественного оборонного зодчества и новейшие достижения инженерной фортификации, а также найдены новаторские конструктивные приемы устройства обруба тарасных стен. Основой для исследования является комплексный подход, а базой – археологические источники. В ходе раскопок доказана несостоятельность традиционной точки зрения об основании Томска в 1604 г. на южном мысе Воскресенской горы.

Высится над речкой Ушайкой невдалеке от ее впадения в р. Томь «знатной вышины пригорок». Это южная оконечность Воскресенской горы, место, где по преданию в 1604 г. был основан Томск, а на самом деле располагался пусть и не первый, построенный уже в 1648 г., но самый мощный и величественный в истории Томска кремль – административно-политический, общественный, военно-оборонительный центр тогдашнего города. Южный мыс Воскресенской горы является единственным в Томске памятником археологии федерального значения, недра которого представляют земляной архив, где хранятся не рукописи, а культурные напластования середины XVII–XVIII вв., запечатлевшие самые ранние из известных на сегодня «страниц» истории средневекового Томска. Археологические материалы стали тем недостающим звеном, которое состыковало разрозненные исторические детали в единую цепь, что позволило восстановить целостную картину жизни средневекового Томска, в чем-то более конкретную, полную, верную, чем прежние представления.

Все более отдаляясь от нас во времени, прошлое подчас преподносит сюрпризы, «вдруг» обнаруживая неведомые грани, и ставит непредвиденные проблемы. Полной неожиданностью на новом витке научных исследований стал вопрос о месте основания города.

Из глубины веков пришло к нам знание о том, что Томск изначально был построен на южном мысе Воскресенской горы. Для увековечивания этого события в 1966 г. на мысе был поставлен памятный камень с надписью: «На этом месте в 1604 г. был основан город Томск». Если проследить передачу сведений ретроспективно: от современных исследователей к предшественникам, мы неизбежно дойдем до Герарда Фридриха Миллера – маститого ученого, по праву носящего имя «отца сибирской истории», который собрал громадный архив письменных документов, написал путевые заметки о местах, поселениях и народах, им виденных, создал фундаментальный труд «Описание Сибирского царства». Именно Г.Ф. Миллер стоял у истоков историографической традиции, согласно которой Томск был основан на южном мысе Воскресенской горы.

Миллер побывал в Томске в 1734 г., своими глазами видел и посещал возвышающийся на мысу кремль, построенный в 1648 г., и отметил: «А та крепость, которая стояла до этого времени *на том же самом месте*, была построена в 7112 (1604) г.» (курсив мой. – М.Ч.) [1. С. 73]. Историк не подтвердил свое суждение архивными данными или ссылками на опрос старожилов, но, видимо, не последнюю, если не решающую, роль сыграли его собственные наблюдения и рекогносцировочная оценка. Место под строительство кремля в 1648 г. в городском

ландшафте было выбрано столь удачно, что вопрос о его, возможно, другом размещении в прошлом, вероятно, и не возникал.

В начале 1780-х гг. кремль перестал существовать, но память о месте, некогда им занимаемом, продолжала жить, вплоть до настоящего времени, что и предопределило априорность признания южного мыса Воскресенской горы местом основания Томска среди ученых, краеведов, обывателей. Когда в 1910 г. П.М. Головачевым была опубликована, а в 1953 г. З.Я. Бояршиновой перепечатана в уточненной редакции «Роспись Томскому городу и острогу» 1627 г. [2. С. 44–45], описание города попросту наложили на южный мыс и этот документ стал восприниматься как бесспорное доказательство первоначального местоположения Томска. В 1954 г. по «Росписи» Н.М. Петровым был сделан макет города первой четверти XVII в. [3. С. 59–78], на десятилетия ставший «визитной карточкой» старого Томска.

Однако «Роспись» непригодна для непосредственного воспроизведения облика Томска без привлечения дополнительных источников прежде всего потому, что не дает ориентировки города по сторонам света, который имеет весьма приблизительные географические привязки: «от Ушайки реки», «от болота», «от Томи реки». Описание являлось обязательным приложением к чертежу, на который наносились необходимые топографические и планировочные координаты. При отсутствии чертежа (а чертежи XVII в. по Томску не сохранились) город теряет пространственную ориентацию, свободно дрейфует в аморфно обозначенных географических границах.

Потому-то наложение макета города на топографию мыса стало для Н.М. Петрова «камнем преткновения»: юго-западная площадка мыса в его реконструкции находилась вне стен города, что в военно-оборонительном отношении недопустимо, ведь «пустой» участок становился удобным плацдармом для взятия города. Впоследствии «лишнюю» часть мыса на макете убрали, чтобы не возникали ненужные вопросы. Н.М. Петров признавал, что предложенный им план является только вариантом расположения первоначального Томского города и острога, в который могут быть внесены исправления и уточнения, особенно в связи с продолжением архивных изысканий и проведением квалифицированных археологических раскопок на Воскресенской горе.

Н.М. Петров мог избежать ошибки, если бы его выбор не ограничился единственным документом, а охватил более широкий круг источников. Еще в 1903 г. вышла обстоятельная статья видного ученого-архивиста Н.Н. Оглоблина с выдержками из «Наказной памяти» 1649 г., где, в частности, сообщается, что в 156 (1648) год

решено по государеву указу и «градской сказке» перенести Томской «город» на новое место и уже была начата постройка нового «города». Но между главным воеводой О.И. Щербатым и вторым воеводой И.Н. Бунаковым возник разлад по поводу того, где и как строить новый кремль. Бунаков за неправильную, с его точки зрения, постройку «лаял» князя, во время болезни Щербатого мешал работе, а затем и остановил ее совсем. Второй воевода собирался с весны строить «город» на другом, избранном им месте, а не на том, которое избрали князь Осип и градские люди. Они не послушались Бунакова, отстаивая и продолжая начатую стройку [4. С. 8].

«Наказная память» свидетельствует, что оба воеводы предлагали пусть и разное, но новое, по отношению к старому, местоположение города-кремля. Н.Н. Оглоблин дал путеводную нить, ведущую к открытию знаменательного факта строительства Томского кремля в 1648 г. на новом месте. Но лишь спустя 85 лет разногласия по поводу выбора места под город были освещены в трудах Н.Н. Покровского, доказавшего на базе большого количества источников факт существования различных мнений о размещении города. Выбор места под кремль в 1647–1648 гг. вызвал широкий резонанс среди томичей, внес раскол в среду властей и жителей при определении того, где «быть пристойно городу» [5. С. 100, 105, 112]. Этот вопрос обладал стратегической важностью, поскольку эффективность функционирования кремля в качестве городского центра во многом определялась его местоположением. Сколь бурно ни развивались события, каков бы ни был оставшийся неизвестным вариант (или варианты) размещения нового центра, реальный выбор был сделан в пользу южного мыса Воскресенской горы.

Археология дала ответ и на закономерно возникающий вопрос: почему первостроители Томска не использовали несомненные преимущества мыса, оптимально соответствующие требованиям, предъявляемым к местоположению центра города – кремля? Потому что на южном мысе находился татарский могильник XVI – начала XVII в., наличие которого и стало препятствием для размещения здесь города. Расположение культурных слоев указывает на то, что захоронения были произведены в период, предшествующий сооружению кремля в 1648 г. [6. С. 77–79]. Русские, зная, что мыс являлся погребальным памятником еуштинцев, сочли невозможным использовать это место для закладки в 1604 г. государева города.

Являлось ли наличие татарского могильника весомой причиной для того, чтобы пожертвовать столь ценной строительной площадкой? Чтобы убедиться в этом, необходимо небольшой экскурс в историю присоединения «Томской земли» к Русскому государству, в которой отразились характерные черты, свойственные процессу колонизации Сибири конца XVI–XVII в.

Освоение томских земель началось задолго до официальной постройки государева города и было весьма эффективным. Уже первые насельники края в последнее десятилетие XVI в. сумели наладить контакты с местным населением. Это обеспечило успешный характер дипломатической миссии Василия Фомича Тыркова, организованной тобольским воеводой С.Ф. Сабуровым. Важнейшими вехами плодотворной работы русской миссии стало строительство в 1601 г. временного укрепленного острога, в

1603 г. обращение еуштинского князца Тояна (тогдашнего хозяина томских земель) к царю Борису Годунову с просьбой «быти под нашею высокою рукою и велети в вотчине его в Томи поставити город», что и было сделано в 1604 г.: «город зделали со всеми крепостьми сентября в 27 день». Эта дата отмечается как День рождения Томска.

Если цели русской стороны в деле присоединения новых земель очевидны, то чем руководствовался глава еуштинского народа Тоян, когда «подвергнул он себя со всем своим родом и со всеми подданными, которых числом 300 человек было, самодержавной Российской власти»? Поездка Тояна к царю произошла не под давлением, а стала ответом на предложение русской дипломатической миссии, что явилось актом государственной значимости, который продемонстрировал взаимное уважение и заинтересованность сторон. Тоян показал себя недюжинным политическим деятелем, сделавшим добровольный, всесторонне продуманный, а также тактически и стратегически точно рассчитанный выбор: российское подданство предоставляло надежную политическую и военную защиту, стабильное существование на льготных стартовых условиях в виде отсрочки уплаты ясака, развитие торгово-экономического, культурного обмена, в перспективе же вхождение в состав России работало на сохранение еуштинцев как народности; и сегодня приумножившиеся в числе потомки Тояна живут на томской земле, не утратив своей самобытной культуры.

Окончательную точку в вопросе поставили археологические раскопки, в ходе которых со всей очевидностью обнаружилось отсутствие на мысе культурных напластований с руинами города первой половины XVII в. Памятник датируется не ранее чем серединой XVII в. и представляет собой остатки кремля, построенного в 1648 г. Выбранная площадка настолько точно соответствовала статусу административного, военного, градообразующего центра города, что этот «знатной вышины пригорок», где кремль разместили только в 1648 г., постепенно стал ассоциироваться с местом основания Томска, единственным, раз и навсегда определенным.

Полученный археологией результат, опровергающий устоявшееся представление, имеет большую ценность: состоялся переход от мифа, увековеченного в камне, к действительной истории. Если заблуждения 1950-х гг. можно оправдать и объяснить недостатком источников и несовершенством научной методологии, то поддаваться инерции мышления, отсиживаться сегодня в старых «окопах», когда линия фронта науки ушла далеко вперед, нельзя. Как ни трудно расставаться с привычным мифом, необходимо это сделать, отдавая дань уважения учителям за их труд на пути познания, нужно убрать с дороги камень и двигаться дальше.

В 2000 г. на раскопки Томского кремля попал ныне живущий в Москве профессор Виктор Михайлович Петров, окончивший Томский госуниверситет. Подробно обо всем расспросил, с искренним интересом рассмотрел находки, раскопы и, оглядев высокие отвалы земли, закрывшие памятный камень, выдал афоризм: «Вы закопали камень, но откопали истину», которая оказалась весомее пятитонной глыбы красного железняка.

Исторические источники однозначно свидетельствуют о том, что в 1648 г. центр города был перенесен на

новое место и Томский кремль впервые был построен на южном мысе Воскресенской горы, который с этого времени закрепился в живой памяти поколений как историческое ядро города.

Факт отсутствия до середины XVII в. русского города на южном мысе Воскресенской горы, где находились захоронения предков томских татар, убедительно доказывает высокую меру государственной ответственности людей, выполнявших царский указ о строительстве «в Томи» города. Они не могли и не должны были действовать необдуманно, допустить грубую ошибку, разместив на удобной, выгодной площадке город, не посчитавшись с наличием здесь могильника. Такой шаг перечеркнул бы все усилия предшествующих лет, восстановил еуштинцев против русских, привел к вооруженному конфликту, наиболее вероятным исходом которого было бы взаимное истребление, что крайне затруднило бы и отодвинуло на неопределенное время строительство важного опорного пункта русской колонизации в Томской волости, а значит, и закрепление за Россией земель далее к юго-востоку.

Процесс основания Томска как одного из крупнейших центров русского освоения сибирского края является выразительным и в чем-то поучительным примером обоюдозвешенного и поэтому успешного решения важной и сложной государственной задачи.

К середине XVII в., по прошествии более чем четырех десятилетий, изменилась политическая ситуация и архитектурно-планировочная среда, прочно закрепилось положение Томска как важнейшего форпоста русской колонизации. Если в конце XVI – начале XVII в. Томская волость являлась вотчиной еуштинского князца Тояна, то, отдав в 1604 г. себя и своих людей под «высокую руку» Бориса Годунова, Тоян признал, что отныне верховное право на владение Томской землицей принадлежит «белому царю». В соответствии с этим постепенно упрочивалось доминирующее положение русского города во всей округе. По мере все более тесного окружения городской застройкой южный мыс Воскресенской горы утрачивал для аборигенного населения функцию древнего погребального места предков, освященного памятью потомков, да и сама память исчезла тем быстрее, чем скорее укреплялся и разрастался русский центр. Выбор южного мыса Воскресенской горы под строительство нового «города» был не только правильным, но наилучшим, поскольку кремль помещался в самый центр городского ландшафта, что обеспечивало его господство в архитектурно-планировочной среде, отражало и подчеркивало суть кремля как объединяющего центра, который доминирует, направляет и вместе с тем сплачивает в единое целое многогранную жизнь города.

Верность принятого решения зачастую приобретает силу очевидности лишь со временем, когда становится узнаваемым, повседневным, привычным настолько, что какой-либо другой вариант просто немислим, хотя поначалу вызывает непонимание, неприятие и даже острое сопротивление. Именно такие метаморфозы произошли в общественных взглядах на место, занимаемое кремлем. В момент выбора площадки под строительство томичи находились в разногласии, которое перешло в конфронтацию, а затем в открытый конфликт. За следующие неполные сто лет стало общепринятым и устойчивым мнение о выгодной позиции города-кремля, кото-

рое емко выразил Г.Ф. Миллер: «Что надлежит до места, которое под Томск выбрано, то и по долговременному исканию лучшаго и способнейшаго в тамошней стране найти не можно бы было» [7. С. 318].

Обратимся теперь непосредственно к кремлю 1648 г., более столетия являвшемуся городским центром, благодаря которому зафиксировано общеизвестное, хотя и не первое, историческое местоположение Томска, сыгравшее наиболее значительную роль в его истории. Для начала разберемся с терминологией: почему «кремль», а не «острог» или «крепость»? Термин «кремль» в наибольшей степени соответствует историческому содержанию объекта и выполняемым им функциям. Кремль-град, кремль-город – центральная планировочная часть города, его административное ядро, малый «город», имеющий собственные укрепления. Согласно статусу городского центра кремль занимал господствующее положение на высоком «красном» яру, выгодное с военно-тактической точки зрения, выступал главной архитектурно-силуэтной доминантой, служил важнейшим узлом городских магистралей, расположение его ворот было органично связано с основными дорогами, ведущими в разные части поселения.

Кремль играл роль композиционного центра, основного градообразующего фактора. Поэтому здесь располагались резиденция воеводы – первого административного лица города и подчиненной ему громадной округи, съезжая изба, в которой велись текущие дела, принимали гостей, просителей, аманатская изба, где держали важных заложников, склады и амбары, где хранилось самое ценное – казна, пороховое зелье, хлебные запасы. Наконец, в кремле находилась главная Соборная церковь во имя Живоначальной Троицы – замечательное творение народного творчества. «В вышину церковь до шатра тринадцат сажен, шатер на церкви в вышину до шеи семи сажен в трехшинную сажен» – итого 20 сажен, или более 43 м, а вместе с главкой 48–51 м. Такая высота ставит Троицкую церковь в ряд наиболее значительных русских шатровых церквей, таких как, например, Владимирская церковь в с. Белая Студа и Воскресенская в с. Пияля [8. С. 89–93; 9. С. 29]. Неслучайно такая высокая доминанта стояла именно в кремле. Неприложимы к городскому центру термины «крепость», сужающий его роль до военно-оборонительной функции, и «острог», обозначающий посад, в котором жила основная часть горожан. До сих пор в списке памятников истории и культуры, охраняемых государством, южный мыс Воскресенской горы значится как «Томский острог», что расходится с исторической действительностью. Неграмотное применение этих терминов искажает подлинную суть и значение кремля в жизни средневекового города.

Кремль являлся сердцем города, ритму бинения которого подчинялась жизнь горожан в обыденной повседневности и в экстремальных ситуациях, и руководящей главой, выступавшей проводником государственной политики. Ярким свидетельством значимости кремля было существование специального ритуала закладки города, начинавшегося с освящения его территории. Согласно «Закладному чину» в первую очередь расчерчивали крепостные стены и освящали их основание, а затем уже определялись места храмов и государственных построек, особого освящения удостоивались планируемые входы в город. Город являлся священным местом, он охра-

нял христиан и нес людям благодать. Старинный ритуал был соблюден при закладке в 1647 г. нового Томского города-кремля: в честь начала строительных работ отслужили торжественный молебен, освятив территорию будущего города и его укреплений [5. С. 100, 156].

Судьба последнего в истории Томска кремля с самого начала сложилась драматично: его строительство в 1648 г. шло в обстановке конфронтации и открытых столкновений горожан.

Заглянем в затянувшуюся предысторию обновления томского городского центра. Уже в начале 1620-х гг., через 16–17 лет после основания города, из-за конструктивных недостатков томские укрепления обветшали. В 1622 г. воеводы писали: «По государеву указу велено ... в Томском сделати новой город, а старый весь развалился». В последующие годы официальные документы пестрели сообщениями о плохом состоянии городских укреплений. К 1646 г. старый город «до остатку сгнил и развалился». Несмотря на столь вопиющее положение, усугубляемое нестабильностью внешнеполитической ситуации, томские воеводы бездействовали, деньги, высылаемые Москвой на городское строение, тратились на другие нужды, как и заготавливаемый лес. Причина заключалась не столько в нерадении воевод, сколько в сопротивлении «томских всяких людей» возведению нового города, для которых строительная повинность была нелегким бременем. Сопротивление томского мира не выливалось в открытую мятежную форму, но имело откровенно протестный характер. Поэтому, например, воевода Н.И. Егупов-Черкасский на упреки в свой адрес о неисполнении указа царя «делать город и острог» отвечал: «До нас де люди были да не сделали, а я де со всеми людьми з городом, не хочу остужатца» [10. С. 97].

Неизвестно, сколько бы еще откладывалось «городовое строение», не сыграв свою роль субъективный фактор – деловая инициатива нового главного воеводы князя Осипа Ивановича Щербатого. Щербатый, вероятно, сам напросившийся в Томск, рассматривал свое воеводство как стартовую площадку для дальнейшего карьерного роста. Движимый честолюбивым стремлением отличиться, Щербатый сделал ставку на «городовое ставление». Ему нужно было заручиться поддержкой сторонников, каковых среди горожан явно не доставало. Строительство путем отработок с привлечением недовольных, противодействующих томичей могло сорвать все дело. Князь Осип действует быстро, напористо, жестко. Используя «административный ресурс», первый воевода собирает с населения деньги в качестве денежной повинности (задержать служилым людям жалование при его статусе не составляло труда) и нанимает плотников, связывая их юридическими договорными обязательствами. Щербатый просчитал преимущества подрядного метода, который позволял осуществить постройку важного государственного объекта, уменьшив трудо- и времязатраты: ведь строительство велось артелью в сроки, оговоренные в подрядной, нарушение которых оборачивалось для плотников денежным начетом и разрывом договора.

Решение Щербатого становится тем более понятным, что заключение подряда сулило ему личную выгоду. Корыстолюбие главного воеводы, несмотря на то что челобитные изобилуют жалобами на его злоупотребления,

нашло документальное подтверждение именно по эпизоду дачи взятки от плотников в размере 88 руб. 65 коп. Конфронтация обострялась, и томский мир в мае 1648 г. отстранил Щербатого от воеводства [5. С. 135, 158].

Но заслуга О.И. Щербатого в решении «перезревшей» проблемы строительства нового кремля (вместе с учиненной им прибылью в местную казну на 2071 руб.) оказалась в глазах Москвы весомее его злоупотреблений, а деятельность на томском воеводстве получила положительную оценку, за что князь Осип был награжден. По сути, с томского воеводства начался для О.И. Щербатого серьезный рост его карьеры. В 1650-е гг. он входил в свиту царя, имел длинный ряд военных назначений; в 1660 г. князю Осипу была оказана царская милость – произведение из дворян в думный чин окольничего; он пользовался покровительством влиятельных особ, многократно бывал у большого государева стола на самых почетных местах [10. С. 96, 97; 5. С. 366, 367]. Верен оказался стратегический прицел, сделанный О.И. Щербатым на Томской земле, точно определены приоритеты деятельности, потому и осуществились его честолюбивые замыслы.

Итак, проявив недожиданную административную волю, главный воевода О.И. Щербатый нанял артель плотников во главе с П. Терентьевым и осенью – в начале 1647 г. (в XVII в. год начинался с 1 сентября) приступил к строительству кремля. Уже в начале 1648 г. Щербатый отработовал в Москву, что работы закончены «в малые недели кроме тех ден, что мешал делать воровством своим Илья Бунаков» [10. С. 97]. Указанный срок – «малые недели» – состоял только из рабочих дней, в него не вошли простои из-за срывов в работе в ходе восстания горожан в 1648 г. Фактически на возведение города (исключая перерывы) потребовалось заметно меньше года.

Неискушенному читателю срок может показаться невероятным. Однако в русском деревянном зодчестве в течение веков был наработан богатейший опыт скоростного строительства монументальных сооружений. «Град Москва дубов срублен бысть» за зиму 1339/40 гг. (за 4 месяца); постройку города Свияжска в 1551 г. «свершили в четыре недели», при этом город имел стены длиной около 3 км, высотой до 8 м, 18 башен, 7 ворот, более 370 построек; в 1593 г. г. Пелым с 7 башнями поставили за две недели, а г. Березов – за одно лето; в 1685 г. за 5 дней построили острожную стену в г. Тобольске; в 1709 г. менее чем за месяц был построен Бикатунский острог и т.д. В государственном деле создания городов вопрос о сроках строительства был чрезвычайно важен не только для центральной власти, стремившейся оперативно создать сеть надежных опорных пунктов колонизации, но и для местных жителей, для которых город был благодатным, защищенным жизненным пространством в окружающем неизвестном и потому опасном мире. Строительство Томского кремля явилось подтверждением общероссийской и общесибирской практики строить «скоро и споро».

Как выглядел новопостроенный кремль? Попытки восстановления его облика были сделаны А.И. Поповым [11. С. 8–21] и В.И. Кочедановым [12. С. 60–65, 100], но из-за неполноты и неточности данных выполненные ими модели разошлись с историческим оригиналом. Только появление археологических источников позволило вместе с письменными, картографическими, изобразитель-

ными материалами создать адекватную реконструкцию оборонительных сооружений кремля 1648 г., которые выступали главным формообразующим элементом в облике средневекового города.

Кремль имел в плане оптимальную для организации обороны и рационального использования внутренней территории подпрямоугольную форму, вытянутую по оси север – юг. Кремль 1648 г., хотя и превосходил по размерам своего предшественника, был невелик: «мерю в длину 50, а поперег 30 трехаршинных сажень», или 108?65 м. Небольшие размеры кремлей, не рассчитанных на размещение в них жилецких дворов, были характерны для сибирских городов, даже в сравнительно больших городах протяженность крепостных стен редко превышала 300 сажень. Пример Томска в этом отношении типичен. Необходимо учитывать также, что габариты кремля ограничивались размерами мыса.

Стены нового кремля были срублены в тарасной технике и состояли из двух параллельных продольных стен, которые соединялись через 3,6–4 м поперечными переборками. Это была сплошная монолитная стена из цепи срубов, каждое звено которой жестко и прочно соединено со смежной клетью. Но надежность тарасной конструкции могла быть сведена на нет из-за осыпания грунта, что грозило разрушить стены и башни.

Для укрепления откосов мыса было найдено несложное, но действенное и грамотное инженерное решение. Нижние венцы стены (от 5 до 8) закладывались в предварительно выкопанные траншеи и утрамбовывались землей. Так создавался каркас, изнутри удерживающий склоны от разрушения. Подземная часть стены представляла собой обруб, заглубленный в материк на 1–1,5 м и опирающийся на дополнительные столбы-стулья. Обруб укреплял склоны и одновременно служил опорой наземной части стены. Обруб Томского кремля 1648 г., полностью впущенный в материковую толщу мыса, являлся новаторской по замыслу конструкцией. Кстати, название «Обруб» сохранилось за одной из старейших томских улиц, идущей вдоль берега р. Ушайки у южного подножия Воскресенской горы, а истоки этого названия уходят в век семнадцатый.

Наземная часть тарасной стены, являвшаяся прямым продолжением подземной, делилась на нижний ряд срубов высотой в 20 венцов и выступающий над ним верхний ряд срубов из 8 венцов, так называемый облам. Между нижним и верхним рядами срубов была щель в 20–25 см для подошвенного обстрела врага в случае его прорыва к стенам. С внутренней стороны обламных срубов шла галерея, подъем на которую осуществлялся по приставным лестницам. Стена была покрыта стропильной крышей. Общая высота наземной части стены Томского кремля (без обруба) составляла около 7 м (рис. 1).

Важным элементом оборонительной системы кремля являлись башни. Их было семь: четыре угловые в высоту по 13 и 17,5 м, башня-колокольня (18 м) и две воротные – Спасская и Воскресенская. Главной башней Томского кремля была проездная Спасская, что традиционно для сибирских городов и острогов: главные проездные башни именовались во имя иконы Христа Спасителя, расположенной над воротами. Размещение Спасской башни в южной стене подчеркивало ее важность, именно южная стена была развернута лицом к нижнему

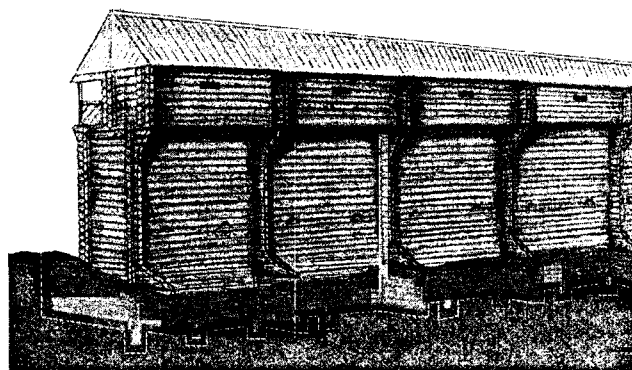

Рис. 1. Внешний фасад тарасной стены Томского кремля (реконструкция автора)

острогу, который постепенно становился основной жилебной территорией. Спасская башня (20 м) была чуть ниже северной Воскресенской (21,5 м), но из-за более высокого рельефа в южной части мыса не уступала в высоте противоположной северной. Башни выступали за линию стен не менее чем на 1,5–2 м, что было необходимо для ведения эффективного флангового огня.

И еще такой существенный элемент обороны кремля, как околобашенные бастионы или раскаты для крупнокалиберных пушек, выступавшие по углам южной стены. Бастионы, дополнявшие традиционные крепостные стены и башни, являлись новым для Сибири приемом фортификации. Выдвинутые вперед бастионы в сочетании с башнями позволяли вести перекрестный заградительный огонь, расширяя при этом площадь обстрела.

Томск стоял на перспективном пути развития отечественной фортификации. Соединение традиционных и новых прогрессивных элементов защиты, рассчитанных на активное сопротивление, а также своеобразие тарасной обрубной конструкции ставят Томский кремль 1648 г. в ряд с лучшими образцами русского оборонного зодчества (рис. 2).

По завершении строительства кремля князь О.И. Щербатый отписал в Москву: «И такова, государь, города образцом в Сибири ... нет», что подразумевало нечто особое, примера (образца) которому не найти среди сибирских городов и острогов. Конечно, Щербатый стремился произвести должное впечатление в Сибирском приказе и оттенить свою роль в строительстве города [10. С. 97]. Но суть он передал верно: кремль 1648 г. являлся одной из наиболее мощных и передовых крепостей Сибири, что соответствовало высокому рангу Томска в иерархии сибирских горо-

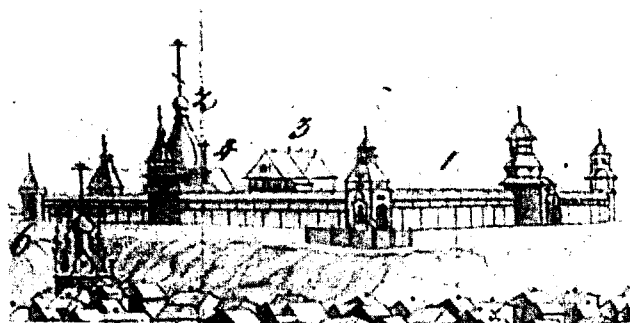

Рис. 2. Вид Томского кремля с панорамы г. Томска И.-В. Люрсениуса (1734–1740 гг.)

дов. Спустя почти столетие Г.Ф. Миллер, осмотревший кремлевские укрепления, был поражен мастерством замысла и качеством работ по его воплощению и подчеркнул, что и в его дни при небольшом ремонте они вполне способны выполнять свое назначение.

Кому же принадлежал замысел столь замечательный, что он вызвал восхищение компетентного и независимого ученого через 100 лет, кто этот смелый новатор, претворивший в жизнь передовые инженерно-строительные идеи, давшие основание для горделивого отчета воеводы? Подлинным вдохновителем, непосредственным организатором и руководителем «городового ставления» был уже упоминавшийся глава плотничьей артели Петр Терентьев.

В обстановке городского восстания плотники, и в первую очередь П. Терентьев, стали заложниками конфронтационной ситуации: нанявшись на городское строительство, артельщики с неизбежностью попали в лагерь сторонников О.И. Щербатого, настаивавшего на денежной форме городской повинности, чем противопоставили себя большинству томского мира, ратовавшего за отработочную форму. И.Н. Бунаков подверг П. Терентьева жестоким, даже по меркам XVII в., пыткам за его выступление против мирской челобитной о постройке города «головами своими, а не деньгами». После «стряска» Терентьев едва выжил, даже принимал предсмертное соборование и причащение. Арест и болезнь Терентьева не раз приводили к остановке работ, чем и объясняется удлинение сроков строительства.

В отличие от облаканного властью О.И. Щербатого П. Терентьев не был по достоинству награжден, напротив, серьезно пострадал из-за того, что его использовали в своей борьбе враждовавшие воеводы. Но Петр Терентьев заслужил главную награду – репутацию градостроительного мастера, удостоившись действительно народного звания – «Петруша-Горододел». С этим почетным и заслуженным званием казак по сословию, плотник по ремеслу, талантливый инженер-строитель по призванию Петр Терентьев вошел в историю.

Возведенный в 1648 г. кремль был настоящим долгожителем и просуществовал до рубежа 1770/80-х гг. Простая и вместе с тем прочная конструкция обруба-фунда-

мента обеспечила кремлевские укрепления запасом прочности по меньшей мере на 120–130 лет, показав высокую культуру инженерной мысли русских зодчих. Впечатляющее долголетие Томского кремля является отличительной чертой не только местной истории, но имеет общесибирское значение как наглядный пример внушительных потенциальных ресурсов деревянных сооружений при условии грамотного инженерного решения конструктивной задачи и его добротного исполнения.

Вплоть до начала XVIII в. Томск подвергался частым нападениям, поэтому его кремль, представлявший главную цитадель, должен был служить крепким щитом. Мощная и устойчивая стеновая конструкция, прямые очертания стен, равномерно расставленные башни с сильным выносом в сторону поля, выступающие бастионы, обламные щели, бойницы на разных уровнях обеспечивали ведение многоярусного разнонаправленного перекрестного огня на дальних и ближних дистанциях, не оставляя «мертвых» непростреливаемых участков. Взаимосвязь элементов оборонительной системы Томского кремля позволяла вести активную защиту по всему периметру, превратив кремль в надежно защищенную крепость, так ни разу и не взятую врагом.

Последний в истории Томска кремль-долгожитель, построенный в 1648 г., с его внушительным силуэтом и лаконичной монументальной выразительностью, органичной вписанностью в архитектурно-планировочную среду достойно представлял исторический облик средневекового Томска.

Примерно с середины XVIII в. кремль утрачивает значение городского центра, который постепенно перемещается вниз. Покинутый кремль начинает ветшать и в начале 1780-х гг. старые укрепления за ненадобностью разбирают.

История Томска и история его кремля, занимавшего положение «города в городе», связаны неразрывно. Наполнение прошлого Томского кремля конкретным содержанием, восстановление его исторического облика расширяют и углубляют представление о самом Томске, в 400-летней истории которого кремль возглавлял и объединял, направлял и защищал жизнь нескольких поколений томичей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Элерт А.Х.* Историко-географическое описание Томского уезда Г.Ф. Миллера (1734 г.) // Источники по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1981.
2. *Бояришинова З.Я.* Основание города Томска // Вопросы географии Сибири. Сб. 3. Томск, 1953.
3. *Петров Н.М.* Опыт восстановления плана Томского города и острога начала XVII в. // Труды ТОКМ. Томск, 1956. Т. 5.
4. *Оглоблин Н.Н.* К истории Томского бунта 1648 года // ЧОИДР. Кн. 3. М., 1903.
5. *Покровский Н.Н.* Томск в 1648–1649 гг. Воеводская власть и земские миры. Новосибирск, 1989.
6. *Чёрная М.П.* Томский кремль середины XVII–XVIII вв.: Проблемы реконструкции и исторической интерпретации. Томск, 2002.
7. *Миллер Г.Ф.* Описание Сибирского царства. Кн. 1. М., 1998.
8. *Курилов В.Н.* Из истории шатрового зодчества в Сибири XVII в. // Памятники быта и хозяйственного освоения Сибири. Новосибирск, 1989.
9. *Майничева А.Ю.* Деревянные церкви Сибири XVII века: формы, символы, образы. Новосибирск, 2000.
10. *Вершинин Е.В.* Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998.
11. *Попов А.И.* Томск. М., 1959.
12. *Кочедамов В.И.* Первые русские города Сибири. М., 1978.

Статья представлена кафедрой археологии и краеведения исторического факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «История» 25 декабря 2003 г.